

тельные различія *) Теперь намъ слѣдуетъ отчетливо выяснить вопросъ, что именно организуется при посредствѣ отдѣльных идеологическихъ приспособленій.

Такъ какъ первичный рядъ общественныхъ формъ представляютъ техническія, то онѣ и должны являться первоначально-организуемымъ матеріаломъ для формъ идеологическихъ. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, на раннихъ ступеняхъ развитія громадное большинство словъ, понятій, обычаевъ относится именно къ техническому процессу, служитъ именно для него средствомъ, при помощи котораго достигается единство, связность, «организованность». — Въ дальнейшемъ область идеологии расширяется: идеологическая жизнь сама закрѣпляется въ новыхъ словахъ и понятіяхъ, вырабатываетъ для себя са-

---

*) Мы не касались одной области идеологическихъ явленій — области искусства. Но она и не представляетъ особаго типа приспособленій, который можно было бы отграничить отъ разсмотрѣнныхъ нами. Соціальное содержаніе искусства сводится частью къ передачѣ непосредственныхъ переживаній отъ одного человѣка другимъ, частью къ сообщенію другимъ накопленнаго опыта. Пѣніе, музыка, ритмическія движенія танцевъ, служатъ, подобно рѣчи и мимикѣ, способами «выраженія», передачи другимъ переживаемыхъ настроеній, только въ менѣе опредѣленной формѣ; многія дикія и варварскія племена пользуются музыкой и особенно танцами для того, чтобы достигнуть единства настроенія, когда предстоитъ сообщать вести какое-нибудь важное дѣло (совѣщаніе племени, выступленіе на войну или охоту, и т. под.); аналогичное значеніе имѣютъ пѣніе и музыка даже у культурныхъ народовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизни (напр., въ военныхъ походахъ). Пѣсня, рисунокъ являются, кромѣ того, особенно на раннихъ ступеняхъ развитія, средствомъ передачи накопленнаго опыта; припомнимъ только, какое громадное познавательное значеніе имѣли въ воспитаніи древнихъ грековъ пѣсни Гомера и Гезіода, произведенія живописи и скульптуры въ храмахъ и на площадяхъ, и т. д. Пѣніе и поэзія имѣютъ, несомнѣнно, общее происхожденіе съ рѣчью, танцы и пластическія искусства — съ мимикой, музыка — съ мимикой и рѣчью. — Словомъ, искусство есть рядъ идеологическихъ приспособленій довольно различнаго рода (оно заключаетъ въ себѣ не мало и техническихъ элементовъ, особенно, напр., архитектура).

мой социальныя нормы, обычныя и нравственныя; развиваются организующія формы, для которыхъ «организуемымъ» является уже идеологія.

Но тѣ идеологическія формы, которыя при этомъ оказываются организуемымъ матеріаломъ для другихъ, въ свою очередь раньше возникли, какъ *организующія* формы для какихъ-нибудь еще иныхъ приспособленій, либо техническихъ, либо опять-таки идеологическихъ; въ послѣднемъ случаѣ организующія идеологическія формы низшаго ряда также должны быть организующими для другихъ, и т. д. Какъ въ арміи, переходя отъ высшаго организатора — главнокомандующаго — къ его подчиненнымъ — генераламъ, отъ этихъ — къ ихъ ближайшимъ подчиненнымъ, и т. д., мы придемъ къ послѣднимъ «организуемымъ» — солдатамъ, которые непосредственно сражаются съ врагами, — такъ во всякой цѣпи идеологическихъ формъ, переходя отъ организующихъ къ организуемымъ ими, мы рано или поздно достигнемъ послѣднихъ организующихъ — приспособленій техническихъ, выступающихъ въ непосредственной борьбѣ общества съ природою. Напр., сужденія наиболѣе общія и отвлеченныя связываютъ въ систему болѣе частныя и менѣе отвлеченныя, эти являются такими же связующими звеньями для еще болѣе частныхъ и еще менѣе отвлеченныхъ и т. д., вплоть до сужденій конкретнаго характера, резюмирующихъ въ себѣ рядъ непосредственныхъ опытовъ, возникающихъ въ сферѣ технического процесса. Точно также какой-нибудь правовой принципъ можетъ служить для гармоническаго объединенія нѣсколькихъ правовыхъ нормъ болѣе частнаго характера, а эти, положимъ, для регулированія противорѣчій между старыми обычаями и новыми нравственными стремленіями, и т. д.; но спускаясь въ этомъ ряду дальше и дальше, мы непременно должны дойти до тѣхъ жизненныхъ отношеній между людьми, которыя выступаютъ въ ихъ непосредственно-трудовой дѣятельности.

Нашъ выводъ таковъ: для всякой идеологической формы, если достаточно далеко прослѣдить ея происхожденіе, можно

найти исходную точку развитія въ области технического процесса. Другими словами: *всякая идеологія вырастаетъ, въ конечномъ счетъ, на основѣ технической жизни, для которой она является организующимъ приспособленіемъ.* Въ этомъ смыслѣ, «базисъ» идеологическаго развитія составляетъ техническое.

Отсюда вытекаетъ вполне определенное отношеніе къ историческимъ фактамъ, вполне определенное направленіе при ихъ изслѣдованіи. Изучая какую бы то ни было идеологическую форму, мы должны представлять ее себѣ, какъ приспособленіе вторичное, возникшее на основѣ другихъ приспособленій, которыя оно такъ или иначе регулируетъ и объединяетъ, вообще—«организуетъ». Если эти другія приспособленія окажутся тоже идеологическими, т. е. вторичными, то анализъ долженъ идти дальше, переходя въ цѣни развитія отъ одного къ другому, пока мы не дойдемъ до приспособленій первичнаго характера, до той сферы труда, гдѣ общественный человѣкъ становится лицомъ къ лицу съ внѣшней природой. Это и есть «последній анализъ» общественной науки, потому что дальнѣйшее изслѣдованіе поведетъ насъ уже за ея предѣлы: дальнѣйшія причины общественныхъ явленій лежатъ во внѣ-соціальной средѣ и изучаются уже методами другихъ наукъ.

Пусть намъ приходится, напр., изслѣдовать нравственный принципъ абсолютнаго долга. Совершенно очевидно, что принципъ этотъ есть объединяющая форма для цѣлаго ряда нравственныхъ нормъ болѣе частнаго значенія. Историческое изслѣдованіе, такимъ образомъ, должно быть направлено на эти послѣднія, чтобы выяснитъ ихъ жизненное содержаніе. Здѣсь мы, конечно, не можемъ сдѣлать этого; но допустимъ, что это сдѣлано, и что для насъ выясняются нѣкоторыя общія черты жизненныхъ отношеній, выражаемыхъ частными нормами, входящими въ систему долга. Оказывается, что идея долгаго объединяетъ различныя требованія, предъявляемыя общественнымъ сознаніемъ къ отдѣльнымъ людямъ въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни. Оказывается, далѣе, что во всѣхъ этихъ требованіяхъ одинаково выступаютъ, по меньшей мѣрѣ, три основныхъ идеи. Во-первыхъ,

идея *самостоятельности* человѣческой личности: принципъ долга всюду предполагаетъ свободную, автономную волю, для которой нравственныя требованія безусловны, которая можетъ осуществлять ихъ совершенно независимо отъ всякой иной воли и независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Во-вторыхъ, идея *эквивалентности*: требованіе, выражаемое идеей долга, всегда не больше и не меньше по отношенію къ одному человѣку, чѣмъ по отношенію къ другому; каждый человѣкъ представляется при этомъ, какъ равный каждому другому. Въ-третьихъ, идея *взаимности*: долгъ одного человѣка по отношенію къ другимъ предполагаетъ такой же, однородный и равный, долгъ къ нему. Наконецъ, самая форма идеи чистаго долга, форма *повелительная* и въ то же время *безличная, отвлеченная*, говоритъ намъ о психологій *подчиненія*, но не простого подчиненія человѣка человѣку, а подчиненія какимъ-то безличнымъ силамъ, не выступающимъ для него въ видѣ живыхъ, конкретныхъ образовъ.

Очевидно, тѣ трудовыя отношенія, которыя идеологически организуются принципомъ долга, должны характеризоваться самостоятельностью человѣческихъ личностей, эквивалентностью и взаимностью въ ихъ дѣйствіяхъ, а также подчиненіемъ человѣка какимъ-то безличнымъ силамъ, неуловимымъ для его воображенія. Гдѣ же мы найдемъ такія отношенія? Конечно, ихъ надо искать тамъ же, гдѣ мы находимъ выработанный принципъ долга, такъ какъ они должны являться его жизненной основой; и отношенія эти должны отличаться широтой и универсальностью, чтобы на почвѣ ихъ могъ выработаться принципъ, пріобрѣтшій въ извѣстныя эпохи такое широкое, универсальное значеніе въ нравственной жизни. Это—отношенія мелкаго товарнаго производства. Они основываются на самостоятельности трудящагося, такъ какъ мелкій товарный производитель обладаетъ полной внѣшней независимостью,—на эквивалентности и взаимности трудовыхъ дѣйствій, такъ какъ каждый въ дѣйствительности трудится для другихъ, и другіе для него, и каждый отдаетъ въ пользу другихъ столько же своего труда, сколько тѣ въ его пользу, что и выражается въ обмѣнѣ по трудовой стоимости

Въ то же время отношенія эти, какъ извѣстно, всецѣло подчиняють судьбу человѣка стихійно-безличнымъ силамъ «экономическаго бытія людей»—силамъ рынка, товарнаго спроса-предложенія.

Но мелкое товарное производство означаетъ, какъ выяснено экономистами, опредѣленную стадію технического развитія,— это именно такая степень технической специализаціи, при которой отдѣльный производитель создаетъ еще цѣлый продуктъ. Здѣсь, стало быть, и лежитъ пеходная точка развитія принципа «долга». Черезъ цѣлый рядъ посредствующихъ звеньевъ изслѣдованіе отъ этой весьма отвлеченной идеи привело насъ въ область технической жизни, къ опредѣленной формѣ специализаціи. Чѣмъ больше такихъ посредствующихъ звеньевъ, тѣмъ, разумѣется, больше надо времени, чтобы на данномъ техническомъ «базисѣ» развилась данная идеологическая «надстройка»; а въ случаѣ измѣненія этого «базиса»—тѣмъ больше надо времени, чтобы исчезла «надстройка», потому что раньше нея должны исчезнуть всѣ посредствующія звенья между нею и ея «базисомъ»,—вообще же всякое приспособленіе, ставшее ненужнымъ, разрушается не сразу, и отмираетъ лишь постепенно*).

XI.

Итакъ, мы считаемъ возможнымъ связать всѣ общественныя формы въ одну непрерывную цѣпь развитія, въ которой основной рядъ представляютъ приспособленія техническія, а надъ ними, одинъ рядъ за другимъ, возвышаются производныя, но въ то же время существенныя по своему организующему значенію, формы идеологическія. Конечно, всѣ звенья

---

*) Напомнимъ читателю, что примѣръ нашъ имѣетъ значеніе только иллюстраціи, поясненія къ нашему пониманію исторической связи развитія; поэтому и возможно было ограничиться сжатыми, схематичными указаніями, тогда какъ вопросъ, затронутый въ этомъ примѣрѣ, весьма важенъ самъ по себѣ и заслуживаетъ отдѣльнаго изслѣдованія.

этой цѣпи переплетаются самымъ тѣснымъ образомъ,—но изображенная схема позволяетъ намъ, при изслѣдованіи отдѣльных случаевъ, шагъ за шагомъ распутать нить развитія, дойти до ея исходной точки, доступной взгляду социолога.

Однако, связать всѣ эти различныя формы въ одну цѣпь, которая была бы дѣйствительно непрерывною, мы имѣемъ право только въ томъ случаѣ, если вранѣе признаемъ ихъ до извѣстной степени однородными, *не различающимися по существу*. А можемъ ли мы допустить такую однородность, когда дѣло идетъ о приспособленіяхъ техническихъ съ одной стороны, идеологическихъ—съ другой? Не представляются ли эти два типа настолько различными, что немыслима строгая непрерывность при переходѣ отъ одного къ другому?—Это приводитъ насъ къ вопросу о составѣ и строеніи отдѣльныхъ общественныхъ формъ.

Прежде всего, напомнимъ, что всякое общественное приспособленіе относится къ числу психическихъ. Только психическая дѣятельность человѣка можетъ имѣть общественный характеръ, только при посредствѣ сознанія человѣкъ становится элементомъ общественнаго цѣлаго. И формы идеологій, и формы техники имѣютъ одинаково психическій характеръ. Разсмотримъ же, изъ какихъ психическихъ элементовъ онѣ слагаются.

Начнемъ съ формъ техническихъ. Содержаніе ихъ сводится къ непосредственной борьбѣ человѣка съ природой, и на всѣхъ ступеняхъ развитія представляетъ сходныя сочетанія психическихъ явленій. Дикарь видитъ добычу и хватается ея: сначала *воспріятіе*, затѣмъ актъ воли, выражающійся во *внѣшнемъ воздѣйствіи*. Работникъ при машинѣ наблюдаетъ ея движеніе и по мѣрѣ надобности вліяетъ на него своими собственными движеніями: рядъ *воспріятій*, соединяющійся съ рядомъ послѣдовательныхъ *воздѣйствій*. Таковъ всякій техническій процессъ; его психическіе элементы—непосредственное воспріятіе явленій внѣшней среды и непосредственное воздѣйствіе на нихъ.

Соціальный инстинктъ есть то всеобщее организующее приспособленіе, которое проникаетъ собою всю общественную жизнь

людей, которое, неразрывно связываясь и съ техническими, и съ идеологическими формами, придаетъ имъ характеръ общественныхъ приспособленій. Каковы же психическіе элементы этого инстинкта? Въ своей основной формѣ онъ сводится, какъ мы знаемъ, къ стремленію дѣйствовать совмѣстно съ другими людьми, впрочемъ, понятно, уже предполагается и наличность представленія объ этихъ другихъ людяхъ. Здѣсь, стало быть, мы имѣемъ сочетаніе извѣстнаго представленія (о другихъ людяхъ) съ извѣстнымъ стремленіемъ (дѣйствовать совмѣстно съ ними). Припоминая высшія, преобразованныя формы социальнаго инстинкта, мы найдемъ, что онъ могутъ быть разложены такимъ же образомъ на элементы представленія и стремленія, только съ нѣскольکو инымъ содержаніемъ. Повидимому, передъ нами уже другіе элементы, чѣмъ въ техническихъ приспособленіяхъ. Но на дѣлѣ это не такъ.

Психологія учитъ, что представленіе происходитъ отъ воспріятія и есть его «психическій остатокъ», его неполное воспроизведеніе въ психикѣ. Такимъ образомъ, представленіе однородно съ воспріятіемъ—не даромъ между ними можно указать всѣ переходныя формы*). Аналогично этому, стремленіе есть, по современнымъ взглядамъ, психическій остатокъ дѣйствія, его незаконченное, ослабленное воспроизведеніе въ психикѣ, неполный актъ воли: оттого-то стремленіе, усиливаясь, и переходитъ въ дѣйствіе**). Слѣдовательно, стремленіе однородно съ дѣйствіемъ.

*) Есть представленія слабыя и блѣдныя, есть болѣе яркія и живыя, есть настолько яркія, что легко смѣшиваются съ воспріятіями и даже переходятъ въ нихъ (какъ это бываетъ въ сновидѣніяхъ, въ галлюцинаціяхъ). Во всякомъ воспріятіи принимаютъ участіе нѣкоторыя изъ прежнихъ представленій, образуя одно нераздѣльное для сознанія цѣлое; обыкновенно, они близко соотвѣтствуютъ воспринимаемому предмету и придаютъ воспріятію опредѣленность и полноту; но иногда они далеко не совпадаютъ съ воспринимаемымъ, и тогда получается иллюзія—человѣкъ воспринимаетъ не то, что есть, принимаетъ одинъ предметъ за другой.

**) Наблюденія показываютъ, что когда человѣкъ стремится сдѣлать что-нибудь, то при этомъ выступаетъ даже сокращеніе, хотя

Нельзя ли все
это, по-прежнему
считать?

Мы видимъ, что явленія соціального инстинкта по своему психическому составу и строенію существенно однородны съ явленіями техническаго процесса. Изъ этого, затѣмъ, слѣдуетъ, что, поскольку соціальный инстинктъ проникаетъ собою въ идеологическія приспособленія, постольку и они окажутся однородны съ техническими. Но, можетъ быть, въ нихъ есть еще какіе-нибудь элементы, существенно отличающіе ихъ отъ формъ технических? Легко убѣдиться, что этого нѣтъ въ дѣйствительности.

Психическое содержаніе формъ рѣчи или мимики довольно несложно. Опредѣленное воспріятіе или представленіе соединяется съ опредѣленнымъ словомъ или жестомъ. Но что такое слово или жестъ? Это опредѣленные сочетанія мускульныхъ движеній: слово произносится посредствомъ привычнаго сокращенія мышцъ грудной клѣтки, гортани, полости рта и зѣва; жестъ выполняется посредствомъ привычнаго сокращенія мышцъ руки, шеи, туловища и т. д. Дѣло, такимъ образомъ, сводится къ воспріятію (или представленію) съ одной стороны, мускульному воздѣйствію—съ другой: элементы, существенно однородные съ элементами техническихъ приспособленій.

Конечно, для рѣчи (и частью мимики) специализируются особыя области нервныхъ центровъ и особыя группы мускуловъ, не тѣ, которыя участвуютъ въ технической дѣятельности; но и въ самой технической дѣятельности для различныхъ трудовыхъ процессовъ специализируются различные элементы нервно мускульной системы, однако это еще не дѣлаетъ *существеннаго различія* между техническими формами.

Съ формами познанія дѣло обстоитъ нѣсколько сложнѣе. Онѣ состояются изъ *понятій*, а понятіе само есть далеко не простое техническое образованіе. Возьмемъ, напр., понятіе «человѣка». Этимъ понятіемъ въ психикѣ объединяется цѣлый длин-

слабое и незначительное, тѣхъ же мускуловъ, которые участвуютъ въ выполненіи самаго дѣйствія. Значить, нервный токъ идетъ отъ центровъ къ мускуламъ, какъ при настоящемъ дѣйствіи, только онъ слишкомъ слабъ и не можетъ вызвать достаточнаго сокращенія.

ный рядъ, обширная «ассоціація» представленій объ одномъ, другомъ, третьемъ человѣкѣ и т. д., о каждомъ изъ людей, встрѣчавшихся данному лицу въ его воспріятіяхъ (или въ ихъ производныхъ—образахъ фантазіи). Объединяетъ всю это ассоціацію слово «человѣкъ»; оно, конечно, не всегда произносится, а очень часто только «мыслится», т. е. выступаетъ представленіе этого слова, неразрывно связанное со стремленіемъ (иногда очень слабымъ) воспроизвести его. Но во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, что бы *по существу* отличало формы познанія отъ техническихъ. Представленія, составляющія основной матеріалъ понятія, какъ мы знаемъ, однородны по происхожденію съ воспріятіями; слово тоже, какъ мы видѣли, не заключаетъ въ себѣ ничего существенно иного, чѣмъ формы техническія. Словомъ, и здѣсь элементы—все тѣ же*).

Остаются приспособленія нормативныя—обычай, право, нравственность. Но ихъ строеніе, хотя еще сложнѣе, опять-таки не прибавляетъ ничего существенно новаго. Они слагаются изъ *понятія*, выражающаго ту или иную норму человѣческихъ отношеній, и изъ *стремленія* противодѣйствовать всему, что ей противорѣчитъ. Это—лишь новая комбинація уже рассмотрѣнныхъ нами элементовъ.

---

*) Психологическая картина понятія должна быть дополнена еще одной чертой: во всѣхъ частныхъ представленіяхъ, объединенныхъ даннымъ понятіемъ,—положимъ, понятіемъ «человѣкъ»—сознаніе стремится выдѣлить *общіе* элементы, и именно ихъ связываетъ съ даннымъ словомъ—«человѣкъ»,—тогда какъ элементы *различія*, выражающіе несходное въ отдѣльныхъ представляемыхъ людяхъ, стушуются и подавляются въ сознаніи. Но это такой процессъ, который имѣетъ мѣсто и при всякомъ обыкновенномъ воспріятіи: однѣ части воспринимаемаго образа выступаютъ ярче, на нихъ «обращается вниманіе», другія отступаютъ на второй планъ, едва замѣчаются въ сознаніи. То, что жизненно-важнѣе, захватываетъ больше мѣста въ сознаніи, то, что менѣе важно, едва замѣчается—это бываетъ одинаково при процессахъ идеологическихъ и техническихъ; это же происходитъ и съ представленіями, входящими въ систему «понятія».

Итакъ, всѣ общественныя приспособленія—и первичныя, техническія, и всеобщее организующее—соціальный инстинктъ, и вторичныя организующія или идеологическія,—слагаются изъ существенно однородныхъ элементовъ, принадлежать къ одному непрерывному жизненному ряду.

XII

Первичной областью общественнаго развитія мы признали техническій процессъ; именно въ немъ, какъ старались мы показать, беретъ свое начало всякое прогрессивное измѣненіе общественныхъ формъ. Если такъ, то является вопросъ, какую же роль играть въ общественномъ развитіи процессъ идеологическій.

Принять, что идеологическія формы происхожденія вторичнаго и въ конечномъ счетѣ опредѣляются техническими, еще не значитъ признать, что идеологія не имѣетъ значенія для общественнаго развитія. Напротивъ, значеніе это громадно,—только оно *иного характера*, чѣмъ значеніе техники.

Всякій новый шагъ въ развитіи жизненной формы опирается на все ея предыдущее развитіе, всякое новое ея приспособленіе возникаетъ на основѣ всѣхъ прежнихъ приспособленій. Это относится и къ развитію общества, техническому настолько же, какъ идеологическому. Напр., новая техническая форма, создаваясь и совершенствуясь, все время находится въ жизненной зачисимости не отъ сложившейся до нея техники, но также отъ наличной идеологіи. Разсмотримъ это конкретнѣе, примѣнительно къ частному случаю.

Въ наше время новое техническое приспособленіе возникаетъ чаще всего въ видѣ «изобрѣтенія». Изобрѣтеніе вызывается какой-нибудь «неприспособленностью» въ трудовомъ процессѣ; осуществляется оно *при помощи всей суммы техническихъ и абстрактныхъ знаній, какою располагаетъ изобрѣтатель*. Изобрѣтатель соображаетъ, обдумываетъ, вычисляетъ, вообще—примѣняетъ къ дѣлу познавательный матеріалъ и по-

знательные методы; нерѣдко самыя разнообразныя данныя науки находятъ себѣ мѣсто въ его расчетахъ и вліяютъ на окончательную форму его изобрѣтенія. Безъ этихъ «идеологическихъ» предпосылокъ изобрѣтеніе въ громадномъ большинствѣ случаевъ не могло бы даже возникнуть; и степень его совершенства опредѣляется количествомъ и качествомъ этихъ предпосылокъ.

Такая связь сама по себѣ вполне понятна; вѣдь познаніе есть организованный трудовой опытъ общества, познаніе резюмируетъ и приводитъ въ систему приспособленія, добытыя предыдущей трудовой дѣятельностью людей; естественно, что оно даетъ основной матеріалъ для дальнѣйшихъ приспособленій, служить точкой опоры при дальнѣйшемъ движеніи. Но не противорѣчитъ ли это идеѣ о первичномъ характерѣ технического развитія, представленію о техникѣ, какъ основѣ общественной жизни?

Нѣтъ, не противорѣчитъ, и именно вотъ почему. Формы познанія, а также и всѣ другія идеологическія формы, служатъ материаломъ и условіемъ общественнаго развитія, но не въ ихъ сферѣ лежитъ движущая сила этого развитія. Изъ области технической исходитъ толчокъ къ образованію новыхъ формъ, здѣсь начинается всякій процессъ общественнаго преобразованія. Это одно важное различіе. А другое вытекаетъ изъ самого значенія идеологіи вообще. Идеологія есть организующая форма, и то, что она организуетъ, есть въ конечномъ счетѣ техническій процессъ. Такимъ образомъ, она вся ограничена рамками технического процесса и имъ опредѣляется въ цѣломъ ея содержаніе. Поэтому и то самое вліяніе, которое она имѣетъ на техническое развитіе, при достаточномъ анализѣ находитъ свою основу въ жизни технической. Напр., новое изобрѣтеніе ближайшимъ образомъ опирается на техническія и естественныя науки,—но сами эти науки черпаютъ свое содержаніе въ области непосредственной трудовой борьбы съ природой, въ области технической, и ее имѣютъ своимъ дѣйствительнымъ базисомъ.

Мы сказали, что идеологія вся лежитъ въ рамкахъ сложившейся техники и не можетъ служить исходной точкой измѣне-

нія общественныхъ формъ, не можетъ дать движущей силы для ихъ преобразованія. Но всегда ли это вѣрно? Въ наше время нерѣдко какое-нибудь *научное* открытіе, сдѣланное специалистомъ-ислѣдователемъ, непосредственно ведетъ къ возникновенію новыхъ техническихъ формъ. Напр., открываютъ новую химическую реакцію, новое соединеніе, и происходятъ значительныя измѣненія въ способахъ окраски тканей, добыванія металловъ и т. п. Не является ли здѣсь идеологія первичнымъ, а техника—вторичнымъ приспособленіемъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надо разсмотрѣть, какъ дѣлаются научныя открытія, на чемъ они основываются.

Во многихъ случаяхъ открытіе является результатомъ новыхъ трудовыхъ опытовъ, полученныхъ въ сферѣ собственно технической жизни. Въ мало-культурныхъ обществахъ, гдѣ нѣтъ специалистовъ-ислѣдователей, открытія даже *всегда* совершаются именно по такому типу; но и въ обществахъ цивилизованныхъ это бываетъ очень часто. Напр., воздушное давленіе было открыто и измѣрено благодаря тому, что при постройкахъ, когда требовалось поднимать воду на высоту, всасывающіе водяные насосы не могли поднять ее выше 34 футовъ: эти чисто-техническіе факты послужили основой для научной теоріи, которая въ свою очередь оказала немалое вліяніе на развитіе нѣкоторыхъ областей техники.

Чаще, впрочемъ, связь фактовъ не бываетъ такой прямой и очевидной, какъ въ приведенномъ примѣрѣ: новое открытіе возникаетъ на основѣ безконечнаго ряда мелкихъ повторяющихся опытовъ технического процесса, и въ своемъ окончательномъ видѣ не связывается съ ними непосредственно даже въ психикѣ открывающаго. Такъ, законъ сохраненія энергіи былъ, несомнѣнно, подготовленъ машиннымъ производствомъ съ одной стороны, и неудачей въ техническомъ осуществленіи *perpetuum mobile*—съ другой. Имѣя дѣло съ машинами, человѣкъ постоянно наталкивался на опредѣленныя границы ихъ работоспособности; а результаты попытокъ устроить вѣчный двигатель, который постоянно самъ изъ себя давалъ бы работу, при-

вели и къ опредѣленному пониманію этихъ границъ—къ идеѣ, что машина не создаетъ работы, а только превращаетъ и переноситъ ее. Но понадобилось такъ много времени и труда для окончательной выработки этой идеи, что научные творцы почти уже потеряли изъ виду тотъ «техническій базисъ», который заронилъ ея зародыши въ ихъ психику, и связывали ее по преимуществу съ нѣкоторыми опытами «чисто-научнаго» характера (что и было удобно, такъ какъ идея въ такихъ опытахъ выступаетъ всего яснѣе).

Но въ современныхъ обществахъ научное изслѣдованіе стало особой специальностью; и нерѣдко ученый, стремясь къ чисто-познавательнымъ цѣлямъ, достигаетъ результатовъ, имѣющихъ важное прямое значеніе для прогресса техники (примѣромъ могутъ служить хотя бы недавнія открытія — х-лучи Рентгена, радій и т. п.). Какъ понять такіе случаи?

Научное изслѣдованіе, приводящее къ технически-важнымъ выводамъ, не есть процессъ только идеологическій. Въ своей основной части оно представляетъ трудъ *техническій*. Оно имѣетъ своей исходной точкой непосредственный опытъ и непосредственное наблюденіе—такія же непосредственныя отношенія къ внѣшней природѣ, какъ во всякомъ другомъ техническомъ процессѣ; здѣсь дѣятельность человѣка складывается изъ тѣхъ же элементовъ—прямого воспріятія и прямого воздѣйствія; здѣсь также примѣняются различныя средства производства—инструменты и машины, нерѣдко еще болѣе сложные, чѣмъ при обыкновенныхъ техническихъ процессахъ, микроскопы, телескопы, регистрирующіе аппараты и т. п. Какое существенное различіе можно указать между химической лабораторіей изслѣдователя-ученаго и химической лабораторіей фабричнаго техника? По своему непосредственному содержанію дѣйствія того и другого вполне однородны, по своимъ социальнымъ результатамъ—тоже однородны, какъ общественно-полезныя. Различны ихъ цѣли; но въ расчлененномъ общественномъ производствѣ онѣ вообще безконечно-различны, и нерѣдко совсѣмъ не соответствуютъ объективнымъ историческимъ результатамъ.

дѣйствій *). Съ объективной точки зрѣнія, въ системѣ общественнаго раздѣленія труда техническій трудъ изслѣдованія играетъ такую же роль, какъ и техническій процессъ всякой иной борьбы съ вѣншей природой.

Замѣтимъ, что въ общественномъ развитіи трудъ изслѣдованія, насколько можно судить, приобрѣтаетъ все больше значенія сравнительно съ другими видами технического труда, и недалеко, вѣроятно, то время, когда онъ будетъ въ наибольшей мѣрѣ обуславливать и опредѣлять собою ходъ прогресса общественныхъ формъ. Въ сущности, это имѣлъ въ виду Энгельсъ, когда говорилъ, что въ будущемъ обществѣ «производство идей» приобрѣтетъ такое же основное, опредѣляющее значеніе для соціальной жизни, какое принадлежитъ въ современномъ мѣрѣ «производству вещей». Энгельсъ только не обратилъ вниманія на то, что уже теперь «производство идей» въ извѣстной, хотя незначительной степени играетъ такую роль. Кромѣ того, отъ Энгельса ускользалъ, повидимому, тотъ фактъ, что трудъ научнаго изслѣдованія, по своему общественному и психическому содержанію, однороденъ въ своей основѣ съ другими техническими процессами, и долженъ быть отнесенъ къ техническому ряду соціальныхъ явленій (по скольку заключаетъ въ себѣ элементы непосредственнаго опыта и наблюденія).

Итакъ, ничто не противорѣчитъ въ дѣйствительности тому положенію, что исходной точкой всякаго общественнаго развитія является процессъ техническій, процессъ непосредственнаго приспособленія людей къ вѣншей средѣ. Только тамъ, гдѣ общество вступаетъ въ прямое общеніе съ вѣншей природой, только тамъ черпаетъ оно новыя силы, тамъ непрерывно происходитъ его жизненное обновленіе, которое разливается дальше по всему его организму.

*) Напр., въ наше время для человѣка, выполняющаго техническій трудъ, личной цѣлью можетъ являться вовсе не созданіе для общества того или иного продукта, а приобрѣтеніе «кристаллизованной цѣнности» въ видѣ денегъ—цѣль, собственно, отнюдь не техническая.

Мы приходимъ къ подтвержденію прежнихъ выводовъ. Какъ ни громадно жизненное значеніе идеологіи, въ социальномъ развитіи роль ея не самостоятельная. Эти «организующія» приспособленія не могутъ развиваться первично, сами изъ себя, всякое ихъ прогрессивное измѣненіе имѣетъ исходную точку внѣ ихъ, въ сферѣ технического процесса, и можетъ быть до нея прослѣжено иногда черезъ болѣе длинный, иногда черезъ менѣе длинный рядъ промежуточныхъ звеньевъ.

Но кромѣ выясненнаго нами положительнаго значенія, идеологія имѣетъ для процесса развитія еще иное, до извѣстной степени отрицательное. Возникающая техническая форма иногда, если оказывается существенно неприспособленной къ существующей идеологіи общества, несмотря на свою полезность, не находитъ себѣ мѣста въ общественной системѣ и погибаетъ безплодно. Такъ, католицизмъ погубилъ многія изобрѣтенія вмѣстѣ съ ихъ изобрѣтателями; цеховыя права и привилегіи задержали развитіе многихъ техническихъ приспособленій — особенно преслѣдовались машины.

Здѣсь мы сталкиваемся съ очень важнымъ явленіемъ социальной жизни — съ идеологическими пережитками. Сложившееся міровоззрѣніе, сложившіяся правовыя нормы консервативны; они борются за свою жизнь противъ всего, что прямо или косвенно ей угрожаетъ, — стало быть, противъ новой идеологіи, и противъ порождающей ее новой техники, если онѣ несовмѣстимы со старыми. Такая борьба нерѣдко задерживаетъ прогрессивное движеніе общества.

Старыя понятія, сложившіяся на основѣ прежняго трудового опыта, могутъ оказаться недостаточны, даже прямо нецѣлесообразны съ точки зрѣнія новыхъ трудовыхъ переживаній. Такъ, понятія, возникшія при консервативной, устойчивой техникѣ, понятія «статическія», проникнутыя представленіемъ *неподвижнаго, неизмѣннаго*, становятся нецѣлесообразны въ эпоху быстрого прогресса техники, быстрого измѣненія формъ жизни. Старыя правовыя нормы, вполне соответствовавшія прежнимъ трудовымъ отношеніямъ, превращаются въ жизненное противо-

рѣчіе при новыхъ,—напр., феодальное право при развитіи мѣнового хозяйства и капитализма. Однако такія отсталыя формы исчезаютъ не сразу и не сразу замѣняются новыми; формы идеологіи вообще очень консервативны,—многія изъ нихъ проявляютъ поразительную живучесть еще долго послѣ того, какъ утратили свое положительное значеніе въ жизни общества. При этомъ онѣ являются, конечно, не столько организующими приспособленіями, сколько дезорганизующими вліяніями для общественнаго процесса,

Въ обществѣ классовомъ, распадающемся на группы съ различной организаціей и различными тенденціями развитія, вопросъ объ идеологическихъ пережиткахъ нѣсколько усложняется. Нерѣдко съ измѣненіемъ содержанія общественной жизни идеологическія формы, которыя прежде были полезнымъ приспособленіемъ для всего общества, превращаются для нѣкоторыхъ, прогрессивныхъ группъ общества въ простой пережитокъ, тогда какъ для другихъ, болѣе консервативныхъ, онѣ продолжаютъ оставаться жизненно-цѣлесообразными. Напр., феодальныя права были общественно-полезны при средневѣковой техникѣ, когда феодалъ являлся необходимымъ организаторомъ такихъ предпріятій, которыхъ не могли устроить своими силами разьединенныя крестьянскія хозяйства (военная защита, пути сообщенія, чеканка денегъ, общественныя пекарни и т. п.); тогда эти права и были средствомъ для организаціи подобныхъ предпріятій. Но съ теченіемъ времени роль феодала въ общественномъ производствѣ свелась къ нулю вслѣдствіе развитія организаторской дѣятельности другихъ группъ общества; вмѣстѣ съ тѣмъ феодальныя права для общества въ цѣломъ стали не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ остаткомъ прошлаго,—а для феодаловъ они оставались, разумѣется, полезнымъ приспособленіемъ. Естественно, что сила класса феодаловъ направлялась къ защитѣ «пережитковъ» феодальнаго права, и отъ размѣровъ этой силы зависѣла степень живучести пережитковъ.

Отрицательное значеніе отжившей идеологіи достигается иногда

такой степени, что идеологія становится исходной точкой общественнаго регресса, технической и всякой иной деградациі. Древній міръ съ его системой рабства создалъ въ господствующи́хъ классахъ идеологію, полную презрѣнія къ производительному труду,—и настало время, когда благодаря этому общество не нашло въ себѣ силъ для развитія; главныя его группы начали вырождаться, одна—рабы—отъ чрезмѣрнаго гнета, другая—господа—отъ паразитической жизни, и расцвѣтъ классической эпохи смѣнился варварствомъ среднихъ вѣковъ. Аналогичное значеніе имѣла для Испаніи за послѣдніе вѣка ея феодально-католическая идеологія, одна изъ ближайшихъ причинъ упадка испанской націи.

Всѣ такіе факты нисколько не противорѣчатъ нашей основной точкѣ зрѣнія. Новыя общественныя формы какого бы то ни было рода сохраняются лишь въ томъ случаѣ, если окажутся приспособлены къ общественной средѣ, въ которой возникаютъ; а идеологія составляетъ часть этой среды, и очень важную часть,—поэтому вновь зародившаяся форма легко можетъ погибнуть, если окажется въ противорѣчій съ идеологіей *). Когда же такимъ путемъ устраняются *всѣ или большинство* формъ прогрессивнаго характера, то можетъ получиться не только застой, но и регрессъ, потому что постоянная растрата общественныхъ силъ при разрушеніи новыхъ полезныхъ приспособленій должна уменьшать сумму жизни общества, сумму его энергіи.

Съ другой стороны, и тамъ, гдѣ идеологія выступаетъ какъ причина, задерживающая развитіе или вызывающая деградацию, и тамъ сама эта идеологія сложилась на основѣ исторически-данной техники, — а стало быть въ техникѣ и лежатъ первоначальныя условія, порождающія застой или регрессъ. Такъ, идеологія древняго міра, съ ея отрицательнымъ отношеніемъ къ

*) Мы считаемъ излишнимъ прибавлять, что существующая техника есть еще болѣе важная часть соціальной среды, еще болѣе вліятельный факторъ общественнаго подбора, и тѣ возникающія формы жизни, которыя къ ней не приспособлены, погибаютъ еще вѣрнѣе.

производительному труду, сама есть результат опредѣленной техники—именно такой, въ которой человѣкъ—рабъ примѣняется для производства, какъ орудіе или домашній скотъ. Слѣдовательно и здѣсь застой или деградация общественной жизни, какъ въ другихъ случаяхъ ея развитіе, имѣютъ исходную точку въ техническомъ процессѣ и въ конечномъ счетѣ *имѣ* опредѣляется.

XIII.

Выясняя соотношеніе и связь идеологій съ другими элементами общественной жизни, мы большей частью разсматривали общество, какъ нераздѣльное, единое цѣлое. Тѣмъ не менѣе намъ уже приходилось мимоходомъ отмѣчать, что единство общества не безусловно и имѣетъ свои границы. Эти-то границы мы и должны принять во вниманіе при дальнѣйшемъ выясненіи вопроса.

Только первобытныя родовыя группы обладали такой прочностью связей, такой внутренней сплоченностью, что могли бы разсматриваться, какъ почти совершенно цѣлостныя общества. Всѣ же извѣстныя намъ культурныя общества, и особенно то, въ которомъ мы живемъ, представляютъ совершенно иную картину. Они распадаются, какъ мы знаемъ, на различные классы и социальныя группы, которыя въ однихъ случаяхъ оказываются объединенными связью сотрудничества, въ другихъ — разъединенными жизненной борьбой. Напр., въ современномъ обществѣ капиталисты и земледѣльцы связаны сотрудничествомъ, поскольку они взаимно доставляютъ другъ другу въ обмѣнъ продукты своихъ предпріятій, и такимъ образомъ полезны или даже необходимы другъ для друга; но они раздѣлены враждою, поскольку дѣлятъ между собою, подъ видомъ прибыли и ренты, одну и ту же массу прибавочнаго продукта, причемъ увеличеніе доли одного класса означаетъ уменьшеніе доли другого. Въ первомъ случаѣ оба класса выступаютъ, какъ неразрывно связанные элементы одного общества, во второмъ — какъ два отдѣльных «общества», стоящихъ одно противъ другого.

Итакъ, понятіе «общества» относительно и условно. Соціаль-
ный инстинктъ и сотрудничество охватываютъ не всю жизнь
общественныхъ группъ, а оставляютъ также мѣсто враждѣ и
жизненнымъ противорѣчій. Смотри по тому, на какую сто-
рону дѣла мы обратимъ свое вниманіе, передъ нами будетъ на-
ходиться либо одно соціальное цѣлое, либо рядъ сравнительно
обособленныхъ соціальныхъ единицъ. Въ чемъ заключается при-
чина этой двойственности?

Исходную точку обособленія соціальныхъ группъ соста-
вляетъ раздѣленіе труда между ними, различія въ ихъ произ-
водственной дѣятельности. Содержаніе технической жизни для
одной, другой, третьей группы неодинаково; естественно, что и
формы идеологій, организующія это содержаніе, разовьется въ
неодинаковомъ видѣ. Трудовая дѣятельность, напр., крестьянъ
и ремесленниковъ весьма разнородна и по матеріалу и по прие-
мамъ: не менѣе разнородны идеологій того и другого класса.
Разъединеніе техническое еще болѣе усиливается идеологиче-
скимъ; различіе жизненныхъ стремленій, такимъ образомъ, воз-
растаетъ до того, что превращается въ прямое противорѣчіе и
порождаетъ борьбу. При этомъ система общественнаго труда въ
сея цѣломъ оказывается неорганизованной, какъ это наблю-
дается во всѣхъ новѣйшихъ обществахъ *).

*) Въ мѣновомъ обществѣ каждое отдѣльное хозяйство мелкаго
или крупнаго производителя можетъ разсматриваться до извѣстной
степени, какъ особая соціальная группа: она отдѣляется отъ дру-
гихъ такихъ группъ технически—независимостью отъ нихъ въ ве-
деніи производства, и кромѣ того идеологически — опредѣленнымъ
пониманіемъ выгодъ и интересовъ этой группы, какъ противопо-
ложныхъ интересамъ всѣхъ другихъ, у нея покупающихъ, ей про-
дающихъ или съ ней конкурирующихъ. Изъ такихъ мелкихъ
группъ, или, въ случаѣ ихъ внутренняго разложенія на разнордо-
ные элементы (напр., предпринимателей и рабочихъ)—изъ ихъ эле-
ментовъ слагаются группы болѣе обширныя, связанная каждая
опять—таки извѣстной общностью технической роли и общностью
идеологій, изъ нихъ группы еще болѣе обширныя, вплоть до та-
кихъ, какъ великіе классы нашего времени или сословія среднихъ
вѣковъ.

водства»—этимъ терминомъ экономисты характеризуютъ строе-
ніе современнаго общества—вызвана, въ конечномъ счетѣ, раз-
дѣленіемъ труда между группами, и сама вызываетъ борьбу
между раздѣленными группами.

При такихъ условіяхъ особенно сильна потребность въ орга-
низирующихъ приспособленіяхъ; оттого-то анархическое общество
новаго времени и создаетъ громадную массу идеологическихъ
формъ, далеко превосходящую все, что создавалось болѣе цѣль-
ными, менѣе раздробленными обществами прежнихъ временъ.
Развиваются наука и философія, стремящіяся гармонически свя-
зать безконечное разнообразіе трудового опыта; развивается
система правовыхъ учреждений, стремящаяся придать стройное
единство безконечному разнообразію трудовыхъ отношеній и т. д.
Но неорганизованность общественнаго труда въ его цѣломъ
остается господствующимъ фактомъ и ограничиваетъ собою орга-
низирующее значеніе формъ идеологическихъ.

Не трудно въ этомъ случаѣ указать направленіе возможнаго
развитія. Оно должно идти въ сторону организованности обще-
ственного цѣлаго, устраниющей жизненныя противорѣчія его
частей. Въ организованномъ единствѣ общества должны пото-
нуть различія социальныхъ группъ. Въ этомъ нѣтъ ничего не-
возможнаго. Во-первыхъ, при сохраняющемся раздѣленіи труда
различія между отдѣльными его видами могутъ все болѣе сгла-
живаться, если въ различныхъ областяхъ производства склады-
ваются все болѣе сходные приемы труда, если возникаютъ *общіе*
методы воздѣйствія на природу;—при машинномъ, напр., про-
изводствѣ, особенно при автоматическихъ механизмахъ, трудъ
рабочихъ, имѣющихъ дѣло съ самыми различными машинами
и самыми различными матеріалами, оказывается весьма сходенъ
по своему психическому содержанію, которое сводится по пре-
имуществу къ надзору за машиной, къ контролю надъ ея дви-
женіями. Во-вторыхъ, даже довольно значительныя различія
элементовъ цѣлаго вовсе еще не означаютъ необходимости про-
тиворѣчій; противорѣчія получаются, вообще говоря, только
тогда, когда эти элементы, кромѣ того, *развиваются въ раз-*

личною направленіи. Однако, и въ этомъ случаѣ не исчезаетъ воплнѣ возможность того, чтобы противорѣчія устранялись организуемыми приспособленіями: вѣдь развиваются же ткани сложнаго организма въ различномъ направленіи, а тѣмъ не менѣе ихъ жизнедѣятельность приводится къ величайшему единству организующимъ дѣйствіемъ нервно-психической ткани.

Есть только одинъ случай, когда различія элементовъ общественнаго цѣлаго должны переходить въ безысходное противорѣчіе, это—когда группы общества развиваются въ *противоположныхъ направленіяхъ*; одна—въ прогрессивномъ направленіи, въ сторону расширенія борьбы съ внѣшней природой, усовершенствованія способовъ производительнаго труда, другая—въ направленіи регрессивномъ, въ сторону паразитизма, потребленія продуктовъ чужого труда. Тутъ біологически немислимы никакія организующія приспособленія, гармонично связывающія жизнь той и другой группы; тутъ жизненное противорѣчіе должно все болѣе возрастать, и утопичной является идея «притушенія противорѣчій». По мѣрѣ того, какъ одна часть общества сосредоточиваетъ въ себѣ всю сумму социальнаго-необходимыхъ приспособленій, другая превращается въ бесполезный органъ, утратившій свою функцію*). Что же въ этомъ случаѣ пренеосходить?

Исторія показываетъ, что для этихъ случаевъ существуетъ свой особый типъ приспособленія. Когда, напр., во Франціи се-

---

*) А не можетъ ли паразитическое развитіе отживающей группы вновь смѣниться производительнымъ, причемъ жизненное противорѣчіе между ней и другими группами потеряетъ свой острый и безысходный характеръ, «притупится»? Это, конечно, мыслимо, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и то скорѣе для отдѣльныхъ единицъ, а не для обширныхъ группъ. Новыя приспособленія возникаютъ изъ опредѣленнаго матеріала—прежнихъ приспособленій съ ними однородныхъ; а при паразитическомъ, регрессивномъ развитіи прежнія полезныя приспособленія все болѣе утрачиваются,—исчезаетъ, слѣдовательно, матеріалъ для прогрессивнаго, производительнаго развитія, и это послѣднее становится, чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе и менѣе возможнымъ.

словіе феодаловъ, утрачивая шагъ за шагомъ свое общественно-трудовое значеніе, превратилось, наконецъ, въ паразитическую группу, тогда производительные классы устранили его, какъ инородное тѣло, изъ общественного организма. Для отдѣльныхъ членовъ этого сословія оставалась, правда, возможность, потерявши прежнее мѣсто въ общественной жизни, приспособиться къ новымъ отношеніямъ и выступить въ новой роли, напр. буржуазныхъ предпринимателей; но феодалы, какъ феодалы перестали существовать. Это былъ «Zusammenbruch» (крушеніе) феодально-организованнаго общества, и въ то же время освобожденіе общества буржуазнаго.

Но такой исходъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если производительные классы, развиваясь прогрессивно, успѣли въ дѣйствительности овладѣть всѣми полезными функціями класса паразитическаго, какъ было въ нашемъ примѣрѣ. Съ древнимъ міромъ дѣло обстояло иначе: паразитическое развитіе класса рабовладѣльцевъ не сопровождалось достаточнымъ производительнымъ развитіемъ другихъ классовъ; бремя управленія обширной системой производства выпало изъ ослабѣвшихъ рукъ выродившейся группы, и не было класса, который былъ бы въ силахъ принять его на себя. Въ результатѣ получился «Zusammenbruch» совѣтъ особаго рода—крушеніе высшей культуры и переходъ къ низшей.

Изъ всего этого вытекаетъ вполнѣ опредѣленная точка зрѣнія на всякіе «Zusammenbruch'i» и въ общественной жизни. Ни въ какомъ случаѣ они не могутъ быть моментами прямого созиданія новой техники и новой идеологій: та и другая должны имѣться готовыми въ производительно-развившемся классѣ. Въ моментъ французскаго «Zusammenbruch'a» конца прошлаго вѣка новое, буржуазное міровоззрѣніе, новыя, буржуазныя правовыя и нравственныя нормы уже существовали въ различныхъ слояхъ буржуазіи и примыкавшихъ къ ней классовъ; вся эта идеологія была только *стѣснена въ своихъ проявленіяхъ* идеологіей господствующаго, феодальнаго сословія. Всѣ приспособленія новаго общества были уже готовы въ рамкахъ стараго;

только жизнедѣтельность новыхъ формъ была скована господствомъ старыхъ и не могла свободно развертываться въ жизни, пока не было устранено это господство*). Ребенокъ до рожденія не дышитъ и не кричитъ, но обладаетъ всѣми нужными для этого приспособленіями; актъ рожденія не создаетъ, а только освобождаетъ ихъ. Впрочемъ, это сравненіе не совсемъ удачно, потому что нѣтъ основанія предполагать, чтобы ребенку до рожденія хотѣлось дышать и кричать, и чтобы онъ активно стремился къ этому. Всего больше рожденіе новаго общества напоминаетъ собою одинъ изъ случаевъ пѣдогенетическаго размноженія, въ которомъ личинки-дѣти, образовавшіяся внутри личинки-матери, прогрызаютъ ея оболочку и выползаютъ наружу (у насѣкомыхъ *Cecidomyiae*).

Идея созданія новыхъ общественныхъ формъ въ моментъ кризиса—крушенія старыхъ—рѣзко противорѣчитъ эволюционному міровоззрѣнію. Но сущность этого противорѣчія заключается вовсе не въ томъ, что новыя формы должны развиваться «постепенно»; эволюционизму нѣтъ дѣла до «постепенности», потому что это вообще не научное понятіе: «постепенно значить—не очень скоро, а что называть «очень скоро»—это зависитъ отъ настроенія. Эволюционизмъ знаетъ только идею непрерывности, при которой логически возможна всякая скорость, отъ безконечно-малой до самой громадной. Если бы солнечная система сложилась въ одну секунду, въ этомъ не было бы ничего проторѣчащаго эволюціонной идеѣ. Нѣтъ, сущность дѣла въ нашемъ случаѣ совсемъ иная. Понятія «кризиса», «*Zusammenbruch'a*», примѣняются тамъ, гдѣ скорость происходящихъ процессовъ такъ велика, что къ ней не подходитъ уже обычная мѣра, примѣняемая людьми; а такой мѣрой слу-

*) Такъ, напр., извѣстная правовая норма господствуетъ въ психикѣ низшихъ классовъ, и, однако, внѣшнимъ образомъ не проявляется въ жизни, не выражается въ общественно-правовыхъ *дѣйствіяхъ*, а остается на стадіи общественно-правового *стремленія*, потому что наибольшая общественная сила препятствуетъ примѣненіямъ этой нормы, насильственно ихъ подавляетъ,

жить нормальное теченіе психическихъ процессовъ въ самихъ людяхъ. Но такъ какъ новыя формы идеологіи и техники создаются именно въ психикѣ людей, и ихъ созиданіе есть процессъ психическій, то его скорость никакъ не можетъ превзойти постоянную мѣру скорости психической жизни; поэтому оно не можетъ восприниматься въ видѣ «кризиса» или «Zusammenbruch'a». Только устраненіе, разрушеніе отживающихъ формъ можетъ имѣть видѣ кризиса, подобно тому, какъ въ формѣ кризиса признается обыкновенно смерть организма.

Мы видимъ, что даже въ такихъ сложныхъ и трудныхъ вопросахъ, какъ вопросъ о развитіи и преобразованіи обществъ, идея приспособленія въ состояніи послужить надежной руководящей нитью при изслѣдованіи, дать общую точку зрѣнія, чуждую внутреннѣйшей противорѣчій и согласную съ внѣшней дѣйствительностью. Большаго идея приспособленія дать, конечно, не можетъ, именно въ силу своей широты, общности, отвлеченности. Все остальное есть дѣло конкретнаго изслѣдованія.

Исходя изъ мысли о существенномъ единствѣ жизни въ природѣ и въ обществѣ, мы попытались выяснитъ въ общихъ чертахъ законы социальнаго развитія. При этомъ намъ пришлось обрисовать основные типы социальныхъ формъ въ ихъ жизненныхъ соотношеніяхъ, освѣщая ихъ съ точки зрѣнія основной эволюціонной идеи—идеи приспособленія*). Получился

*) Изучая вопросъ о законахъ общественнаго развитія, мы сознательно устраняли изъ анализа такія психическія приспособленія, которыя сами по себѣ не имѣютъ общественно-трудоваго характера, какъ, напр., половой инстинктъ. Проявленія полового инстинкта относятся сами по себѣ къ видовой, а не къ социальной жизни; поэтому въ общественномъ развитіи они выступаютъ не какъ самостоятельный факторъ, а какъ пассивный матеріалъ: они измѣняются подъ вліяніемъ измѣняющихся трудовыхъ отношеній, но сами не служатъ ни исходной точкой измѣненія общественныхъ формъ, ни его опредѣляющимъ моментомъ. Общественное развитіе преобразуетъ весь психическій организмъ человѣка, оно захваты-

рядъ выводѣвъ, совпадающій въ существенныхъ чертахъ съ
обычной теоріей историческаго монизма, но отличающійся отъ
нея, какъ мы полагаемъ, большей опредѣленностью и большей
монистичностью въ пониманіи общественнаго процесса. Мы по-
старались отчетливо разграничить различныя категоріи обще-
ственныхъ явленій сообразно съ ихъ реальнымъ жизненнымъ
значеніемъ; особенно важно было для насъ установить громад-
ную общественную роль идеологій, какъ системы организую-
щихъ приспособленій соціальнаго процесса. Мы стремились,
далѣе, показать принципиальную однородность всякихъ обще-
ственныхъ формъ, какъ по ихъ происхожденію, такъ и по со-
ставу—изъ сходныхъ психическихъ элементовъ; этимъ путемъ
устанавливается непрерывность всего безконечнаго ряда обще-
ственныхъ явленій. Мы разсматривали общественную жизнь
въ цѣломъ, какъ процессъ приспособленія; этимъ создается
возможность представить ее, какъ отдѣльное звено въ нераз-
рывной цѣпи біологическаго развитія.^{*)}

Мы полагаемъ, что именно въ такой формѣ теорія истори-
ческаго монизма должна стать нераздѣльной частью яснаго и
стройнаго, гармонически цѣлостнаго міровоззрѣнія, способнаго
дать людямъ нашего времени наибольшую сумму истины.

**) путемъ сведения приспособленій и явленій психическимъ
процессамъ! Мыслимъ, что это объединяетъ и мировую и личную*

васть и подчиняетъ себѣ всѣ его не-общественныя и до-общест-
венныя приспособленія; но ихъ прогрессъ при этомъ оказывается
не первичнаго, а вторичнаго характера, онъ опредѣляется и обу-
словливается прогрессомъ техническимъ и идеологическимъ.

Авторитарное мышление.

Общественная жизнь людей — это самое сложное явление, съ какимъ имѣть дѣло познаніе. Понять ее — это труднѣйшая задача, какую ставить себѣ наука; но это также важнѣйшая задача. Понять, значить, овладѣть; точное познаніе явленій есть необходимая основа дѣйствительнаго господства надъ ними. Первобытное общество не обладаетъ точнымъ познаніемъ вышней природы, оно понимаетъ ее фетишистически; и это означаетъ, что не оно господствуетъ надъ природою, а природа надъ нимъ. Мѣновое общество не понимаетъ собственной природы, оно фетишистически познаетъ свои внутреннія отношенія — и пока это такъ, оно не можетъ вырваться изъ подъ ихъ желѣзной власти, ихъ стихійная, слѣпая сила порождаетъ въ немъ массу безсмысленныхъ, безысходныхъ страданій. «Познай самого себя» — такое требованіе ставить исторія современному обществу, ставить все болѣе и болѣе настойчиво.

И общество мало-по-малу начинаетъ познавать себя. Въ своихъ наиболѣе жизненныхъ элементахъ оно приходитъ шагъ за шагомъ къ пониманію собственной природы — и одерживаетъ побѣды надъ нею. Пока еще это небольшія побѣды, но онѣ пролагаютъ путь для дальнѣйшихъ, болѣе значительныхъ завоеваній. Возрастающее самосознаніе наиболѣе прогрессивныхъ, наиболѣе производительныхъ элементовъ общества означаетъ ихъ возрастающее вліяніе на ходъ общественной жизни; и вліяніе это таково, что общественный процессъ приобретаетъ характеръ все болѣе цѣлесообразности, все болѣе «разумности». Хотя основныя

*нр*творѣнія общественной жизни еще остаются, но ихъ разрушительное вліяніе на силы общественнаго развитія все болѣе ослабляются. Приобрѣтенія прогресса становятся надежнѣе, скорость прогресса возрастаетъ.

Прогрессъ этотъ является *активнымъ*: онъ возникаетъ изъ *трудо-вой дѣятельности людей*, и представляетъ историческій итогъ миллионѣвъ человѣческихъ *дѣйствій*, сознательно или безсознательно направленныхъ въ сторону развитія. Но человѣческая активность далеко не всегда прогрессивна: въ цѣлой массѣ случаевъ ея направленіе безразлично для тенденцій прогресса, въ цѣлой массѣ случаевъ оно имъ противоположно. Для познанія общественной природы основная задача состоитъ именно въ томъ, чтобы ясно разграничить явленія прогрессивной активности отъ явленій безразличной и регрессивной. Такое разграниченіе создаетъ точку опоры для прогресса не только «активнаго», но въ то же время все болѣе *сознательнаго*.

Задачу эту для каждой эпохи приходится рѣшать отдѣльно: прогрессивное при однихъ историческихъ условіяхъ становится безразличнымъ при другихъ, реакціоннымъ при третьихъ. Такимъ образомъ задача оказывается очень сложною; надо упростить ее настолько, чтобы сдѣлать разрѣшимой; и для этого единственный надежный способъ заключается въ томъ, чтобы ставить ее не по отношенію къ отдѣльнымъ фактамъ, а по отношенію къ цѣлымъ рядамъ однородныхъ фактовъ, по отношенію къ цѣлымъ *типамъ* общественныхъ явленій. Какъ видимъ, вопросъ о типахъ общественныхъ явленій оказывается практически очень важнымъ; явленія эти надо правильно сгруппировать въ ряды однороднаго жизненнаго значенія, и тогда мы можемъ познать ихъ въ такой мѣрѣ, чтобы правильно отнестись къ нимъ въ самой жизни.

Съ этой именно точки зрѣнія мы рассмотримъ теперь одинъ весьма обширный рядъ соціально-психологическихъ фактовъ, именно — элементы *авторитета* въ общественномъ мышленіи. Выясненіе этого вопроса намъ придется начать, конечно, съ происхожденія и развитія этихъ элементовъ, потому что

только такимъ путемъ мы можемъ установить ихъ реальное жизненное значеніе.

Факты авторитарнаго мышленія лежатъ въ сферѣ идеологій, въ области пониманія и оцѣнки явленій. Характеристику этихъ фактовъ составляетъ идея безусловнаго подчиненія однихъ элементовъ жизни, какъ по существу низшихъ, другимъ, какъ по существу высшимъ. Авторитарное мышленіе выступаетъ въ пониманіи природы общественной — тамъ, гдѣ однихъ людей считаютъ специально созданными для господства и свободы, другихъ — для подчиненія и рабства; оно же выступаетъ въ представленіи о человѣческой личности, когда въ ней видятъ соединеніе активнаго, творческаго, высшаго начала — духа — съ пассивнымъ, инертнымъ, низшимъ началомъ — матеріей; оно же выступаетъ въ объясненіи природы вообще, когда въ ней разграничиваютъ міръ таинственныхъ высшихъ силъ, которыя дѣйствуютъ изъ себя и сами по себѣ, и обыденныхъ, низшихъ объектовъ, которые только подъ вліяніемъ этихъ силъ движутся и измѣняются, которые во всемъ опредѣляются извнѣ. Практически — авторитарное мышленіе выражается въ безусловномъ подчиненіи и поклоненіи людей другимъ людямъ или какимъ-нибудь элементамъ природы, общественной и внѣшней.

Установивши понятіе авторитарнаго мышленія, — читатель видитъ, что мы беремъ его въ самомъ широкомъ объемѣ и значеніи, — мы перейдемъ къ изслѣдованію генезиса авторитарной психологій. Руководящею нитью въ этомъ изслѣдованіи намъ будетъ служить идея историческаго монизма. Съ точки зрѣнія этой идеи, намъ слѣдуетъ прежде всего выяснитъ тѣ объективныя трудовыя отношенія, на почвѣ которыхъ возникаетъ авторитарный типъ мышленія, приспособленіемъ къ которымъ онъ является.

I.

Трудовыя отношенія первобытной родовой группы неизмѣримо болѣе просты, чѣмъ отношенія современнаго общества.

Тамъ социальная жизнь еще почти не дифференцирована; трудовая дѣятельность людей въ высокой степени однородна. Почти каждый членъ первобытной группы носитъ въ себѣ всю ея технику, умѣетъ выполнять всякую необходимую для ея жизни работу. Первобытныя орудія — камень, палка, и ихъ ближайшія производныя, какъ топоръ, копье и т. под. — доступны, каждому члену группы, и научиться владѣть ими очень недолго; а тѣ ничтожныя практическія знанія, какія пріобрѣтаются людьми на этой стадіи, тоже безъ особыхъ усилій укладываются полностью въ каждой первобытной головѣ. Любой членъ группы по содержанію психической жизни почти не отличается отъ всякаго другого.

На этой стадіи развитія существуютъ лишь ничтожные зародыши раздѣленія труда, зародыши, имѣющіе своею основой чисто фیزیологическія различія особей: дѣти не могутъ выполнять такихъ трудовыхъ процессовъ, которые требуютъ силы взрослыхъ людей, женщины не всегда могутъ позволять себѣ большое физическое напряженіе, и понятно, что тѣ и другія до нѣкоторой степени специализируются въ наиболѣе доступныхъ имъ видахъ труда. Перетаскиваніе большихъ тяжестей, трудныя строительныя работы, серьезная охота достаются главнымъ образомъ, на долю мужчинъ; женщины и дѣти по преимуществу охотятся за мелкими животными, собираютъ плоды, корни, шьютъ одежду, и т. под. Но и эта слабая специализація имѣетъ лишь временное значеніе въ жизни особи: изъ ребенка вырастетъ взрослый человѣкъ, способный ко всякой работѣ; женщина внѣ періодовъ беременности, кормленія и менструацій также можетъ дѣлать почти все то же, что и мужчина. Однородность трудовой психологіи людей, такимъ образомъ, почти не нарушается.

При такихъ условіяхъ трудовыя дѣйствія отдѣльныхъ людей сравнительно самостоятельны: приготовляя себѣ топоръ изъ остраго камня, копье изъ заостренной палки, добывая пищу въ видѣ плодовъ, корней, зеренъ, мелкихъ животныхъ, устранивая себѣ одежду изъ листьевъ, каждый обходится въ боль-

шинствѣ случаевъ безъ помощи другихъ людей. Только изрѣдка возникаетъ необходимость въ прямомъ коллективномъ объединеніи трудовыхъ дѣйствій; это бываетъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется выполнить работу, превосходящую размѣръ силъ отдѣльнаго человѣка — защиту отъ сильнаго врага, постройку жилища, и т. под. Итакъ, здѣсь трудъ вообще говоря, *неорганизованъ*; общественно - организованныя дѣйствія представляютъ почти исключеніе.

Соціологами и психологами давно уже выяснено, что раздѣленіе труда есть въ то же время раздробленіе человѣческой личности, что специализація означаетъ для отдѣльнаго человѣка односторонность и не полноту жизни. Если такъ, то первобытный человѣкъ, который почти не знаетъ раздѣленія труда, имѣетъ передъ людьми болѣе развитой культуры одно несомнѣнное преимущество, именно болѣшую цѣльность жизни: онъ стереотипно отражаетъ въ своей психикѣ всю полноту существованія, какою обладаютъ его группа. Но эта цѣльность стоитъ немногаго: сумма жизни сознанія здѣсь вообще такъ ничтожна, что по сравненію съ современною жизнью, какъ бы ни была послѣдняя односторонняя и дисгармонична въ своихъ проявленіяхъ, представляется просто несоизмѣримо-малою. Это — цѣльность недифференцированнаго зародыша, низшаго организма, это только простота, а не гармонія, результатъ слабости, а не силы.

Прогрессъ первобытной жизни совершается путемъ ея усложненія; развитіе порождаетъ специализацію. Чѣмъ шире развертывается трудовая дѣятельность группы, чѣмъ разнообразнѣе становятся ея проявленія, тѣмъ менѣе возможно для каждой отдѣльной личности выполненіе всѣхъ видовъ трудовыхъ дѣйствій, какія существуютъ въ производствѣ группы; зародышевыя формы раздѣленія труда развиваются дальше, и приобретаютъ больше устойчивости. Шагъ за шагомъ, отдѣльный членъ группы сосредоточиваетъ свою дѣятельность на нѣкоторыхъ опредѣленныхъ видахъ общественно-необходимаго труда, предоставляя остальныя работы другимъ членамъ. Такъ

разрушается первобытная цѣльность психики, — человѣкъ перестаетъ быть универсальнымъ существомъ; вмѣстѣ съ расширеніемъ жизни онъ теряетъ прежнюю разносторонность, и все съ меньшею полнотою отражаетъ въ своей психикѣ возрастающее разнообразіе общественно-трудоваго процесса.

Но вмѣстѣ со специализаціей развивается потребность въ въ большей организованности труда: чѣмъ разнообразнѣе дѣйствія различныхъ людей, тѣмъ необходимѣе приспособлять ихъ одни къ другимъ, но и тѣмъ труднѣе дѣлать это. Надо, чтобы на каждый изъ обособленныхъ видовъ общественнаго труда тратилось именно такое количество человѣческихъ силъ, какое соответствуетъ потребности общества: если каждый членъ группы самостоятельно выбираетъ себѣ то или иное занятіе, то легко должно случаться, что въ одной сферѣ производства будетъ бесполезно потрачено много лишней рабочей силы, а въ другой ея окажется употреблено гораздо меньше, чѣмъ слѣдуетъ; напр., одежды будетъ произведено больше, чѣмъ требуется, а пищи не хватитъ на пропитаніе группы. Необходимо сознательно-цѣлесообразное распредѣленіе рабочихъ силъ въ производствѣ; трудъ долженъ стать *организованнымъ*.

Пока группа еще не велика, и дѣло организаціи труда не очень сложно, организующая дѣятельность можетъ выполняться всѣми членами группы сообща; они могутъ вмѣстѣ обсуждать и рѣшать вопросы о томъ, какъ распорядиться наличными силами группы и наличными продуктами ея труда; — но съ расширеніемъ и усложненіемъ производства это становится все менѣе возможно. Для средняго члена группы, не отличающагося ни большою опытностью, ни особенными способностями, вопросы о распредѣленіи труда и продукта оказываются слишкомъ сложными; онъ не въ силахъ принести какую бы то ни было пользу при ихъ обсужденіи и рѣшеніи; въ этихъ случаяхъ его голосъ обыкновенно бесполезенъ, а не рѣдко даже прямо вреденъ, такъ какъ можетъ дать перевѣсъ неудачному рѣшенію. Организаторская дѣятельность шагъ за шагомъ обособляется и становится специальностью одного члена группы, если не наи-

болѣе способнаго, то наиболѣе опытнаго, старѣйшаго въ родѣ. Получается патриархально-родовая организація*).

Въ патриархальной группѣ ея глава—есть общій организаторъ производства и распредѣленія; остальные члены группы, — исполнители его воли. Сообразуясь съ наличною суммой рабочихъ силъ и съ наличными размѣрами потребностей группы, онъ указываетъ каждому изъ членовъ, какую работу тотъ долженъ на себя взять, и какую долю общаго продукта получить для своего личнаго потребленія; всѣ выполняютъ эти указанія: патриархъ повелѣваетъ, прочіе члены группы повинуются. Это уже авторитарный типъ трудовыхъ отношеній, выступающій здѣсь пока еще въ наиболѣе простой своей формѣ. Такой типъ организаціи, повидимому, является господствующимъ у всѣхъ народовъ на извѣстной стадіи ихъ развитія; но и въ настоящее время ему принадлежитъ преобладаніе у большинства дикихъ и варварскихъ племенъ.

Патриархъ представляетъ лишь первичную и наиболѣе простую форму авторитарныхъ отношеній. Изъ него развиваются формы гораздо болѣе сложныя, организаціи гораздо болѣе широкія. Уже въ патриархальной группѣ, по мѣрѣ ея роста, происходитъ частичное раздѣленіе организаторскаго труда: понемногу обособляются семейныя группы, которыя въ лицѣ своихъ старшихъ членовъ имѣютъ особыхъ частныхъ организаторовъ, хотя и подчиненныхъ общему организатору—патриарху. Чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей мѣрѣ семья начинаетъ жить въ предѣлахъ рода своею автономною жизнью, но это, разумѣется, лишь въ тѣхъ областяхъ труда, въ которыхъ она можетъ выполнить свою производительную дѣятельность безъ помощи другихъ семей рода. Получается такая система отношеній, въ которой у высшаго организатора есть нѣсколько исполнителей, являющихся въ свою очередь организаторами для остальныхъ членовъ рода.

*) Можетъ быть, иногда возникали аналогичнымъ путемъ и организаціи матриархальнаго характера, со старѣйшею женщиной во главѣ; но объ нихъ извѣстно очень мало достовѣрнаго.

Путемъ дальнѣйшаго обособленія мелкихъ группъ въ старой родовой организаціи впослѣдствіи окончательно выдѣляется моногамная семья, которая въ современномъ обществѣ выступаетъ, какъ прямой остатокъ патріархальныхъ отношеній. Въ ней отецъ семейства играетъ ту же авторитарную роль, какую патріархъ въ старой родовой группѣ; онъ такой же полновластный организаторъ своего маленькаго хозяйства, такъ же безконтрольно распоряжается употребленіемъ рабочихъ силъ своей жены и дѣтей и распределеніемъ предметовъ потребленія. Это патріархальная группа, уменьшенная въ размѣрахъ и ослабленная разлагающею силой новыхъ отношеній.

Съ другой стороны патріархальная группа служитъ исходною точкой развитія широко развѣтвленныхъ феодальныхъ организацій. Здѣсь цѣль организаторовъ, стоящихъ одни надъ другими, еще удлиняется, особенно если принимать во вниманіе вассально-сюзеренныя отношенія между болѣе мелкими и болѣе крупными феодалами. При этомъ чѣмъ выше стоитъ организаторъ въ цѣпи этихъ отношеній, тѣмъ шире кругъ его подчиненныхъ, но въ то же время тѣмъ уже та сфера ихъ трудовыхъ дѣйствій, которую онъ фактически организуетъ. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ вся производственная дѣятельность совершается подъ прямымъ надзоромъ и контролемъ главы семьи; управляющіе феодала имѣютъ дѣло лишь съ той частью крестьянскаго труда, которая находится въ непосредственной связи съ хозяйствомъ самого феодала, и которая выступаетъ, главнымъ образомъ, въ видѣ барщины и оброка; самъ феодалъ, кромѣ контроля за своими управляющими, занимается по преимуществу организаціей военной защиты, а также такихъ обширныхъ предпріятій, какъ постройка дорогъ, мостовъ и т. п., — да кромѣ того творитъ судъ и расправу, т. е. организуетъ юридическія отношенія своихъ подданныхъ; его сюзерены являются для него почти исключительно военными организаторами — начальниками на походѣ и въ битвѣ и лишь изрѣдка — организаторами въ сферѣ права, верховными судьями въ столкновеніяхъ его съ другими ихъ вассалами. Въ этой развертываю-

щейся цѣпи личность, стоящая въ самомъ низу, и играющая безусловно исполнительскую роль, совершенно подавлена тяготяущею надъ нею массой авторитетовъ.

Гораздо болѣе законченную форму авторитарной организаціи представляютъ деспотическія монархіи восточнаго типа. Въ нихъ иѣется такая же цѣпь повелѣвающихъ-подчиняющихся, но связь между звеньями цѣпи является болѣе тѣсною, контроль высшихъ надъ низшими идетъ глубже, власть и подчиненіе полнѣе охватываютъ всю жизнь человѣка. Здѣсь повелитель есть все, подчиненный передъ нимъ—ничто; но для своихъ подчиненныхъ, если они у него есть, и этотъ послѣдній—такой же безусловный госиодинъ. Здѣсь вся жизнь насквозь до конца захвачена авторитарными отношеніями, и личность совершенно исчезаетъ передъ ними.

Въ современномъ обществѣ сохранились еще значительные, но сильно видоизмѣненные остатки сложныхъ авторитарныхъ формъ: изъ развѣтвленныхъ патріархальныхъ отношеній развились іерархіи жрецовъ, изъ феодальныхъ и восточно-автскратическихъ—военная организація и бюрократія. Въ этихъ случаяхъ точно также передъ нами развертывается цѣпь организаторовъ-исполнителей; власть и подчиненіе выражены очень сильно, только сфера этихъ отношеній является сравнительно ограничевною, и при томъ вполне опредѣленною: здѣсь повелѣваютъ и подчиняются лишь въ предѣлахъ «службы»; между тѣмъ въ старыхъ авторитарныхъ формахъ сфера власти и подчиненія оставалась сравнительно неопредѣленною, и всегда могла раскрыться въ любомъ направленіи; напр., если феодалъ фактически обыкновенно и не вмѣшивался въ семейныя дѣла своихъ подчиненныхъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, всегда могъ вмѣшаться, и считалъ себя въ правѣ дѣлать это. Впрочемъ, такой оттѣнокъ не вполне исчезаетъ и въ позднѣйшихъ авторитарныхъ отношеніяхъ: ограниченные властители бюрократическаго, іерархическаго, военнаго типа очень часто обнаруживаютъ склонность къ такъ наз. «превышенію власти», ко вмѣшательству въ частныя дѣла своихъ подчиненныхъ и т. под.

Къ измѣненнымъ авторитарнымъ формамъ слѣдуетъ отнести, далѣе, рабовладѣльчество и крѣпостное право. Та и другая форма возникаютъ подъ вліяніемъ денежнаго обмѣна изъ отношеній патріархально-родовыхъ или, чаще, феодальныхъ; отличаются же отъ этихъ послѣднихъ съ одной стороны крайнимъ развитіемъ господства и подчиненія. Денежный обмѣнъ порождаетъ, какъ извѣстно, безграничную жажду накопленія; вслѣдствіе этого организаторъ начинаетъ пользоваться исполнителемъ исключительно какъ орудіемъ пріобрѣтенія денегъ, средствомъ получить прибыль: онъ уже не столько организаторъ групповаго производства, сколько организаторъ эксплоатациі: елѣдовательно, его дѣйствіями руководятъ по преимуществу не интересы групповаго производства, а интересы эксплоатациі;—естественно, что явленія господства и подчиненія выступаютъ здѣсь въ особенно рѣзкихъ и грубыхъ, въ особенно суровыхъ и тягостныхъ формахъ. Связь между господиномъ и рабомъ, помѣщикомъ и крѣпостнымъ почти теряетъ свой *общественный* характеръ, характеръ *сотрудничества* между людьми, и пріобрѣтаетъ окраску отношеній между человѣкомъ и орудіемъ производства (напр., рабочимъ скотомъ). Это, собственно, не развитіе, а деградация авторитарнаго сотрудничества; недаромъ продолжительное сохраненіе такихъ формъ ведетъ къ полной или частичной общественной деградациі, къ вырожденію обоихъ классовъ, и господъ и рабовъ.

Наоборотъ, сравнительно высоко развитую и прогрессивную форму авторитарныхъ отношеній представляетъ условное подчиненіе, преобладающее въ современномъ капиталистическомъ обществѣ. Предприниматель, нанимая рабочаго, пріобрѣтаетъ власть надъ его трудовой энергіей; рабочій подчиняется приказаніямъ предпринимателя;—но и власть, и подчиненіе ограничиваются условіями договора. Рабочій исполняетъ организаторскія указанія капиталиста, но лишь въ предѣлахъ заранѣе условленнаго рабочаго дня, заранѣе условленныхъ работъ и заранѣе условленной обстановки труда; внѣ этихъ условій и власть и подчиненіе прекращаются—предприниматель перестаетъ

быть организаторомъ, а рабочій исполнителемъ. Это, собственно, не чисто авторитарный типъ сотрудничества, а смѣшанный съ инымъ, какимъ именно—мы выяснимъ въ дальнѣйшемъ.

Еще болѣе уклоняющуюся форму авторитарнаго сотрудничества мы найдемъ въ отношеніяхъ между «идеологами» и «массой», вообще — между «героями» и «толпой». Тутъ передъ нами такъ же, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, выступаетъ дѣятельность организаторская съ одной стороны, исполнительская—съ другой: идеологъ указываетъ массѣ, куда идти, что дѣлать, и масса идетъ и дѣлаетъ. Но подчиненіе тутъ не только ограниченное опредѣленною, узкою сферой—оно, кромѣ того, «добровольное». Въ другихъ авторитарныхъ организаціяхъ власть имѣетъ въ своемъ распоряженіи принудительныя общественыя силы, и силы обыкновенно настолько значительныя, что для личности онѣ являются прямо непреодолимыми: членъ родовой группы не можетъ не повиноваться феодалу, потому что феодала поддерживаютъ и обычаи, и матеріальная сила его дружины; рабочій не можетъ не повиноваться предпринимателю, потому что на сторонѣ предпринимателя и обычаи, и право, и матеріальная сила государства, и не менѣе матеріальная сила голода. Но человѣкъ массы въ своихъ дѣйствіяхъ можетъ слѣдовать указаніямъ идеолога или не слѣдовать, и, вообще говоря, слѣдуетъ имъ настолько, насколько это ему нравится; въ организаторскихъ указаніяхъ идеолога нѣтъ общественно-принудительной силы, онъ убѣждаетъ, а не принуждаетъ. И послѣдователь даннаго идеолога можетъ въ свою очередь убѣждать его дѣйствовать такъ, а не иначе, можетъ давать ему указанія и ставить ему требованія относительно его идеологической работы, но опять-таки безъ всякаго внѣшняго принужденія; такъ, читатель, который учится у даннаго писателя, т. е. подчиняется ему въ нѣкоторыхъ областяхъ мышленія и практики, нерѣдко въ свою очередь «учить» его, выясняетъ ему, что именно для него, читателя, требуется, въ чемъ писателю слѣдуетъ измѣнить свою дѣятельность, словомъ—вы-

ступать въ свою очередь какъ организаторъ по отношенію къ работѣ своего идеолога.

Здѣсь также авторитарный типъ отношеній смѣшанъ съ инымъ, высшимъ, о которомъ намъ еще придется говорить.

Мы, конечно, далеко не исчерпали всѣхъ встрѣчающихся въ дѣйствительности формъ авторитарнаго сотрудничества, но сущность ихъ достаточно, на нашъ взглядъ, выясняется даже изъ того бѣглаго, схематическаго и неполнаго описанія, которое мы дали. Говоря кратко, это такія трудовыя отношенія, въ которыхъ дѣятельность организаторская отдѣлена отъ исполнительской, такъ что та и другая воплощаются въ различныхъ особяхъ.

II.

Основную жизненную характеристику авторитарныхъ отношеній составляетъ ихъ глубокій консерватизмъ. Авторитарныя формы всего меньше мирятся со всякими измѣненіями въ ходѣ общественной жизни. И это легко объясняется, если принять во вниманіе особенности общественной роли организатора.

Организаторская работа при всякихъ вообще условіяхъ чрезвычайно трудна и сложна по сравненію съ исполнительской; уже въ обычное время она требуетъ отъ организатора полного напряженія силъ: она предполагаетъ цѣлую массу психическихъ приспособленій, охватывающихъ всю систему трудовыхъ отношеній группы, и постоянно дѣйствующихъ во взаимной связи и гармоніи; понятно, что для выработки и даже простого поддержанія такой массы приспособленій необходимы очень большія, при томъ непрерывныя затраты психической энергіи. Но при всякой почти перемѣнѣ въ способахъ производства эта система должна испытать нѣкоторыя преобразованія во многихъ, если не во всѣхъ своихъ частяхъ. Новый пріемъ производства означаетъ, обыкновенно, повышение производительности труда; при этомъ происходитъ освобожденіе нѣкоторой части обще-

ственно-трудовой энергіи, и требуется перераспредѣленіе рабочихъ силъ группы, — особенно же въ томъ случаѣ, если для новаго техническаго приѣма нужны новыя орудія и новыя матеріалы, которые приходится производить специально для этой цѣли. Надо приспособить къ техническому измѣненію всю «экономикѣ» группы, всѣ наличныя отношенія производства и распредѣленія; а это означаетъ громадную работу для психики организатора: многія изъ ея сложившихся приспособленій сразу дѣлаются недостаточными, а нѣкоторыя оказываются даже прямо непригодными. Естественно, что необходимы какія-нибудь особенныя причины для того, чтобы организаторъ рѣшился подвергнуть свою психику такой ломкѣ; и онъ склоненъ съ отвращеніемъ относиться ко всякимъ «новшествамъ», такъ сильно затрудняющимъ и усложняющимъ выполнение его жизненной задачи.

Какъ видимъ, консервативное настроеніе для организатора является неизбѣжнымъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ производственной сферѣ; но если такъ, то оно неизбѣжно въ сферѣ идеологической: вѣдь жизнь идеологическая есть производная область общественнаго бытія людей, — она представляетъ изъ себя организующій моментъ для жизни производственной, такъ что всецѣло ею опредѣляется. Да и вообще, жизни идеологической свойственъ гораздо больший консерватизмъ, чѣмъ технической, такъ какъ первая имѣетъ во второй исходную точку всѣхъ своихъ измѣненій. Технический консерватизмъ не можетъ соединяться съ идеологическою прогрессивностью, — скорѣе возможно обратное.

Само собой разумѣется, что при консервативномъ настроеніи организаторовъ, и общество въ цѣломъ должно оказываться очень консервативной системой — исполнительская психологія, при своей ограниченности и автоматичности, не можетъ, конечно, послужить основой для прогрессивныхъ общественныхъ измѣненій.

Въ дѣйствительности консерватизмъ авторитарныхъ отношеній выступаетъ съ несомнѣнностью и съ большою яркостью. Насколько сильно обнаруживается эта черта въ жизни патриархальной, феодальной, въ жизни деспотическихъ государствъ,

объ этомъ и говорить нѣтъ надобности, такъ какъ исторія свидѣтельствуесть достаточно ясно. Но, кромѣ того, она свидѣтельствуесть и о томъ, насколько консервативной силой являлись въ обществѣ элементы высшихъ авторитарныхъ организацій, жреческой, бюрократической, военной, разъ эти организаціи сложились и упрочились въ обществѣ: онѣ часто оказывались сильнѣйшими тормазами прогресса, часто съ величайшей разрушительностью обрушивались на всякіе зародыши новой жизни въ обществѣ.

Тутъ, безспорно, имѣеть большое значеніе и тотъ фактъ, что прогрессивныя измѣненія направляются нерѣдко прямо противъ матеріальнаго господства старыхъ авторитетовъ-организаторовъ, такъ что эти послѣдніе становятся консервативны и реакціонны въ силу грубо-матеріальныхъ интересовъ; но дѣло отнюдь не можетъ быть сведено къ одному этому, такъ какъ враждебное отношеніе авторитетовъ къ новшествамъ постоянно наблюдается и тогда, когда новшества прямо не затрагиваютъ жизненныхъ основъ господства этихъ авторитетовъ; очевидно, здѣсь дѣло уже въ томъ общемъ консервативномъ настроеніи, которое складывается на почвѣ авторитарныхъ формъ.

Въ измѣненныхъ, смѣшанныхъ авторитарныхъ формахъ дѣло обстоитъ, повидимому, иначе. Какъ извѣстно, капитализмъ въ его условнымъ подчиненіемъ отличается высоко-прогрессивными тенденціями во всѣхъ областяхъ жизни, — по крайней мѣрѣ, такія тенденціи въ немъ рѣшительно преобладаютъ надъ консервативными. Однако, если внимательнѣе разсмотрѣть при какихъ условіяхъ эта прогрессивность обнаруживается въ болѣе-шей, при какихъ въ меньшей степени, то станетъ очевиднымъ, что прогрессивны въ капитализмѣ отнюдь не авторитарные элементы, а совсѣмъ иные. Техническая прогрессивность капитала обуславливается, какъ это признають все экономисты, именно *конкуренціей* и жаждой накопленія, т. е. именно тѣми сторонами капиталистической жизни, въ которыхъ нѣтъ ничего авторитарнаго. Напротивъ, когда эти стороны выражены въ меньшей степени, и на первый планъ выступаютъ собственно

авторитарные элементы, тогда прогрессивность проявляется гораздо слабѣе. На раннихъ стадіяхъ капитализма, когда конкуренція между предпріятіями незначительна, а внутри предпріятій подчиненіе рабочихъ предпринимателю является почти безусловнымъ, когда въ капитализмъ преобладаетъ патріархальный оттѣнокъ, техническая прогрессивность капитала оказывается сравнительно весьма невысокой: усовершенствованія вводятся весьма медленно и неохотно, только тогда, когда они обѣщаютъ сразу очень большія выгоды. Точно также и на нѣсколько болѣе высокихъ ступеняхъ капитализма, если протекціонная политика ограничивается и ослабляетъ конкуренцію, а классовая борьба мало развита, обнаруживается сравнительно большая застойность техники: капиталисты предпочитаютъ, не безпокая себя никакими преобразованіями, получать хорошую прибыль при старыхъ способахъ производства, и не гонятся за новыми способами, хотя бы они подавали надежду на еще большую прибыль. Если же въ концѣ концовъ прогрессивныя тенденціи капитала получаютъ все таки перевѣсъ, то происходитъ это, очевидно, *не благодаря* авторитарнымъ элементамъ капитализма, а только *несмотря* на наличность этихъ элементовъ.

Аналогичнымъ образомъ въ отношеніяхъ между идеологами и массами наблюдается глубокая консервативная тенденція именно постольку, поскольку преобладаніе оказывается на сторонѣ чисто авторитарныхъ элементовъ, поскольку люди слѣпо подчиняются своимъ идейнымъ вождямъ. Всего ярче выступаетъ такая черта въ исторіи религій; религіозные вожди обыкновенно требовали отъ своихъ послѣдователей безусловнаго идейнаго подчиненія, и тѣ дѣйствительно подчинялись безусловно, такъ что авторитарный характеръ отношеній приближался къ наивысшей возможной степени; и въ столь же высокой степени обнаруживалась консервативная тенденція — основная черта религіознаго мышленія вообще. Наоборотъ, въ мірѣ научнаго познанія роль авторитета несравненно менѣе значительна, слѣпому подчиненію гораздо меньше мѣста — и про-

грессивныя тенденціи находятъ себѣ гораздо больше простора, развитіе встрѣчаетъ гораздо меньше препятствій.

Глубокій консерватизмъ, свойственный *психологии* авторитарныхъ отношеній ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ прогрессивной, при извѣстныхъ условіяхъ *общественной роли* этихъ отношеній. Когда на сцену общественной жизни выступаютъ новыя авторитарныя формы, и ведутъ борьбу противъ старыхъ, тоже авторитарныхъ или иныхъ, но низшаго типа, то само собою разумѣется, что эти новыя формы объективно оказываются прогрессивными, онѣ стремятся измѣнить существующее въ направленіи къ большому совершенству. Но въ самихъ себѣ и по отношенію къ самимъ себѣ онѣ и тогда такъ же консервативны: онѣ стремятся измѣнить то, что имъ противорѣчитъ, но оказываютъ величайшее сопротивленіе всякимъ зародышамъ преобразованія внутри себя самихъ. Тамъ, гдѣ патриархаты вытѣсняетъ болѣе первобытныя коммунистическія формы, онѣ является, конечно, прогрессивной силой; но его психологія отъ этого ничуть не менѣе консервативна. Религіозныя реформаторы дѣйствуютъ прогрессивно, ведя борьбу противъ отжившихъ религій; но чуть только среди ихъ послѣдователей обнаруживаются новыя прогрессивныя тенденціи, реформаторы превращаются въ инквизиторовъ, и начинаютъ жечь и душить не хуже своихъ предшественниковъ: такъ относились, напр., Лютеръ и Кальвинъ къ религіознымъ теченіямъ, болѣе радикальнымъ, чѣмъ ихъ собственныя. Авторитетъ и здѣсь остается авторитетомъ.

III.

Консерватизмъ, свойственный авторитарнымъ отношеніямъ, какъ было указано, ослабляется и отступаетъ тамъ, гдѣ отношенія эти соединяются съ элементами иныхъ формъ, болѣе высокаго типа. Что же это за формы, и почему онѣ способны противодѣйствовать консервативной тенденціи авторитарныхъ отношеній?

Прежде всего, надо отмѣтить анархическія трудовыя отношенія; это тѣ, которыя составляютъ отличительную черту всякаго товарнаго общества. Сущность ихъ заключается въ томъ, что отдѣльныя группы или даже отдѣльныя лица выполняютъ свои общественно-трудовыя функціи самостоятельно, независимо отъ другихъ людей или группъ: каждый товаропроизводитель не слѣдуя ничьимъ организаторскимъ указаніямъ, производить въ своемъ хозяйствѣ такой продуктъ, какой ему угодно, въ такомъ количествѣ и такого качества, какъ это ему кажется удобнымъ. При этомъ система общественнаго труда оказывается въ цѣломъ неорганизованной, анархической. Распределение совершается въ ней путемъ обмѣна, т. е. имѣетъ также неорганизованный характеръ, и даже неизбежно соединяется съ борьбой—борьбой покупателя и продавца, борьбой между конкурирующими покупателями или продавцами. Всюду, гдѣ имѣются анархическія трудовыя отношенія, существуетъ и внутри-общественная борьба, прежде всего въ формѣ конкуренціи, а затѣмъ и въ иныхъ формахъ.

Анархическія отношенія труда выступаютъ тамъ, гдѣ система общественнаго производства достигаетъ очень большихъ размѣровъ и широко развертывается въ пространствѣ, такъ что объединяющая организаторская дѣятельность становится для отдѣльныхъ людей прямо невозможной. Такимъ образомъ неорганизованность является здѣсь результатомъ широты общественнаго союза, и борьба обуславливается развитіемъ сотрудничества.

Эта неорганизованность и эта борьба представляютъ не только недостатокъ анархическаго сотрудничества по сравненію съ авторитарнымъ, но также и его преимущества, — именно онѣ лежатъ въ основѣ высокой прогрессивности анархическихъ отношеній. Неорганизованность и борьба порождаютъ хроническую неприспособленность, но также и постоянное стремленіе приспособиться. Конкурирующие производители постоянно стараются расширить свое производство и улучшить его способы чтобы выдержать борьбу и побѣдить соперниковъ. Такимъ образомъ конкуренція ведетъ къ непрерывному техническому и

экономическому прогрессу, а это означает также необходимость прогресса идеологического. Психологія анархическихъ трудовыхъ отношеній не можетъ быть консервативной, потому что среди этихъ отношеній неподвижность и застой означаютъ неспособность къ борьбѣ и смерть.

Условное подчиненіе наемнаго рабочаго предпринимателю представляетъ изъ себя сочетаніе авторитарныхъ отношеній съ анархическими: ограниченный характеръ власти предпринимателя, условность подчиненія вытекаетъ именно изъ того обстоятельства, что рабочій обладаетъ формальной свободой самостоятельнаго производителя, и на рынкѣ, гдѣ самостоятельные производители продаютъ свои товары, продаетъ такимъ же образомъ свою рабочую силу. Въ сферѣ своего личнаго домашняго хозяйства наемный рабочій пользуется такой же независимостью, какъ всякій другой изъ членовъ товарнаго общества; отъ нихъ онъ отличается только тѣмъ, что въ силу историческихъ условій успѣлъ потерять очень важную часть своего хозяйства — именно, средства производства: крестьянинъ потерялъ землю, ремесленникъ — орудія, — и оба въ силу этого факта стали пролетаріями, и принуждены наниматься; но формально они остаются въ такихъ же отношеніяхъ къ остальнымъ членамъ общества, какъ и прежде — въ отношеніяхъ анархическаго сотрудничества. При подходящихъ условіяхъ, пролетаріи даже могутъ вновь сдѣлаться самостоятельными производителями, — стоитъ только добыть средства производства (объективной, исторической возможности такого рода, впрочемъ, почти не существуетъ). И поскольку наемный рабочій находится въ анархической связи съ другими членами товарнаго общества, въ частности — съ предпринимателемъ — постольку онъ конкурируетъ и борется съ нимъ; напр., какъ продавецъ рабочей силы, онъ борется на рынкѣ съ ея покупателемъ, въ чемъ и заключается основа главнаго классоваго антагонизма. Именно изъ борьбы возникаетъ прогрессъ, такъ что прогрессивность психологіи условнаго подчиненія опредѣляется ея анархически-трудовыми элементами.